

Лиса и её Волк

Марианна Рэй

Лиса и её Волк

<https://litres.ru/74414597>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она была серой мышкой. Молодая женщина, задавленная тираном-отцом, страдающая мигренями и живущая в пыльной квартире. Вскоре она узнаёт, что на самом деле её зовут Ровена, и она — Хранительница Ключа из Дома Лисы.

Но враг не дремлет. Дом Песца готовит заговор. Ровене нужен союзник — и судьба сводит её с Рагнармом, следопытом из Дома Волка. Он груб, дерзок и невыносим, но именно он встаёт между ней и смертью, именно он заставляет её сердце биться быстрее.

Их любовь станет оружием. Их страсть — силой, способной изменить мир. Но сначала им предстоит пройти через тьму, предательство и боль, чтобы наконец обрести друг друга — и надеть короны, которые им предназначены.

«Лиса и её Волк» — история о том, как серая мышка может оказаться королевой, а одинокий волк — найти свою пару. История о магии, страсти и свободе, которая стоит того, чтобы за неё сражаться.

Содержание

Глава 1. Знакомство	4
Глава 2. Идеальный мужчина	9
Глава 3. Двойное лицо	18
Глава 4. Дом Лисы	24
Глава 5. Тьма сгущается	31
Глава 6. Возвращение к себе	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марианна Рэй

Лиса и её Волк

Глава 1. Знакомство

Для Ирины мигрень была не просто болью — это был враг, который врывается в её жизнь без стука, переворачивал всё вверх дном и уходил, оставляя после себя лишь руины. Сначала за глазом начинало колоть, будто иглой, затем череп словно наполнялся расплавленным свинцом, а в финале боль пронзала мозг так, что перед глазами вспыхивали алые всполохи, а желудок сжимался от тошноты. Сегодня приступ начался после обеда. На работе Ирина до самого вечера перепроверяла накладные, стараясь не подавать виду, что цифры плывут перед глазами, как водоросли в мутной воде. В шесть часов, когда офис опустел, она с облегчением выскользнула на улицу. Мартовский ветер хлестал по лицу, как холодный кнут, но даже он не мог заглушить пульсацию в висках.

Квартира встретила её запахом пыли и старой мебели — бабушкино наследство, доставшееся после похорон. В воздухе витал аромат времени, застывшего много лет назад. Ирина сбросила туфли, переоделась в домашний халат и рухнула на диван, прижимая ладони к вискам. Тишина давила на барабанные перепонки, а одиночество обвивалось вокруг, словно

холодная змея. У неё не было сил звонить матери. Да и что сказать? Что голова снова раскалывается? Мать вздохнула бы в трубку и посоветовала потерпеть — ведь она терпела всю жизнь.

Через час боль стала невыносимой. Обезболивающие, выпитые утром, закончились. Ирина с трудом поднялась, сунула ноги в стоптанные тапки и, не глядя в зеркало — она и так знала, что выглядит как призрак, — вышла из квартиры. Дом был старый, с обшарпанными стенами и затхлым запахом подъезда, а на первом этаже на углу здания располагалась та самая аптека, куда она ходила с детства. Спускаясь по лестнице, Ирина крепко держалась за перила. Голова кружилась, перед глазами плясали серебристые пятна, как рыба чешуя на солнце. Она думала только о том, чтобы добраться до аптеки, взять лекарство и вернуться в постель.

Дверь аптеки открылась с тихим скрипом, похожим на стон раненого зверя. Ирина шагнула внутрь, и в тот же миг кто-то вышел ей навстречу. Она не успела отшатнуться — тело, ослабленное болью, двигалось медленнее мысли. Высокий силуэт возник прямо перед ней; она запнулась о порог и полетела куда-то вбок. Удар пришёлся виском о хромированный угол аптекарской витрины. Вспышка боли, острее мигрени, пронзила череп, как раскалённый нож. Ирина вскрикнула и осела на пол, чувствуя, как по лицу течёт что-то тёплое и липкое. Всё плыло перед глазами, как в аквариуме.

— О! Ровена из Дома Лисы?

Голос был мужской, глубокий, с ноткой изумления. Ирина попыталась поднять голову, но мир качался, как корабль на волнах. Она различила склонившегося над ней человека — светлые волосы, яркие глаза, широкие плечи в дорогом пальто, от которого пахло сандалом и чем-то древним.

— Простите... — пробормотала она, не понимая, за что извиняется.

Мужчина присел рядом, взял её под локоть. Его прикосновение было уверенным, тёплым, как весеннее солнце.

— Вы ударились. Сильно. Дайте-ка посмотрю.

Он достал из кармана белоснежный платок и осторожно прижал к её лбу. Ирина поморщилась, но не отстранилась — сил не было.

— Это я виноват, — сказал он, и в его голосе прозвучало странное заискивание, почти угодливость. — Я слишком резко открыл дверь. Простите меня, ради бога. Как вас зовут?

— Ирина, — выдохнула она, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

— А я Андрей. Давайте я помогу вам дойти до дома. Вы здесь живёте?

Она кивнула, не вполне понимая, почему соглашается. Андрей помог ей подняться, придерживая за талию, и повёл к выходу. На улице он заботливо придержал дверь, спросил номер квартиры, и Ирина, как во сне, назвала его. В подъез-

де пахло сыростью и плесенью, и ей было стыдно — так, как бывает стыдно, когда чужой человек видит твою жизнь во всей её запущенности. Но Андрей, казалось, не замечал ни облупившихся стен, ни её растрёпанного вида. Он довёл её до двери, помог достать ключи из кармана халата и открыл замок.

— Аптечка есть? — спросил он.

Ирина махнула рукой в сторону кухни. Андрей усадил её на стул, сам нашёл перекись, вату, бинты. Его движения были быстрыми, но точными, как у хирурга. Пока он обрабатывал рану, Ирина сквозь пелену боли разглядывала его: атлетически сложенный, с точеными чертами лица, светлые волосы, небрежно откинутае назад, и глаза — яркие, слишком яркие для обычного человека. От него пахло дорогим парфюмом и чем-то ещё, неуловимо чужим, древним.

— Вы сказали... — прошептала она, неожиданно для себя вспомнив его первые слова. — Ровена?

Андрей на мгновение замер, но тут же улыбнулся — обязательно, открыто.

— Вам, наверное, послышалось. От удара. Я просто воскликнул что-то бессвязное. Вы довольно сильно ударились.

Ирина не спорила — голова гудела, как улей, а мысли путались, как клубок ниток. Андрей закончил перевязку, сходил на кухню, принёс ей стакан воды и две таблетки анальгина.

— Вот, выпейте. Это поможет. Завтра я зайду проведать

вас. И не вздумайте отказываться.

Она послушно проглотила таблетки, чувствуя, как его пальцы на секунду задержались на её ладони. Тепло разлилось по телу, и впервые за вечер боль немного отступила.

— Спасибо, — пробормотала Ирина.

Андрей поднялся, окинул взглядом маленькую прихожую, задержался на её лице.

— Отдыхайте. И ещё раз простите.

Он ушёл, тихо прикрыв за собой дверь. Ирина осталась сидеть на стуле, прижимая прохладную повязку к виску. В голове крутились обрывки: его голос, его рука, его странная фраза. «Ровена из Дома Лисы». Почему он так её назвал? Может, действительно слышалось?

Глава 2. Идеальный мужчина

На следующее утро Ирину разбудил настойчивый звонок в дверь. Голова всё ещё болела, но уже не так невыносимо, как вчера. Она с трудом поднялась с дивана, накинула поношенный халат и, взглянув в дверной глазок, замерла. На пороге стоял Андрей. В руках у него был матовый бумажный пакет с логотипом дорогой кофейни и букет белых роз, лепестки которых были покрыты каплями росы, будто их только что сорвали в саду.

Она открыла дверь, не успев пригласить растрёпанные волосы.

— Я же говорил, что зайду проверить тебя, — произнёс он с тёплой улыбкой, окидывая её внимательным взглядом. — Выглядишь лучше, чем вчера. Хотя всё ещё бледная, как лунный свет.

Ирина отступила, пропуская его внутрь.

— Зачем вы... не стоило, — пробормотала она, чувствуя, как румянец заливает щёки, будто она снова стала школьницей.

— Стоило. — Он прошёл на кухню, по-хозяйски открыл шкаф, нашёл вазу, налил воды и поставил цветы. Аромат роз мгновенно наполнил комнату, вытесняя затхлый запах одиночества. — Я принёс завтрак. Круассаны, кофе. Ты ведь пьёшь капучино?

— Я... да. — Ирина не знала, куда деть руки, которые вдруг стали чужими и неловкими.

Андрей обернулся и посмотрел на неё внимательно, чуть наклонив голову. В его глазах мелькнуло что-то странное — не просто интерес, а оценка, будто он взвешивал её на вес золота.

— Ирина, расслабься. Я не кусаюсь. Присядь.

Она послушно села за стол, который заскрипел под её весом. Он разложил еду на старой клеёнке, сел напротив и начал расспрашивать: где работает, чем увлекается, почему живёт одна. Ирина отвечала односложно, всё ещё не веря, что такой мужчина сидит на её крошечной кухне и смотрит на неё с искренним интересом.

Андрей был идеален. Он слушал, не перебивая, задавал вопросы, смеялся её неуклюжим шуткам. От него исходила уверенность, которая одновременно пугала и притягивала, как магнит. Но иногда, когда он думал, что она не видит, в его глазах вспыхивала тень — холодная, расчётливая, чуждая той теплоте, которую он демонстрировал.

— Знаешь, — сказал он, откинувшись на спинку стула, который жалобно заскрипел, — мне с тобой легко. Давно такого не было.

Ирина опустила глаза, не зная, что ответить. Сердце билось, как пойманная птица, ударяясь о рёбра.

Он стал приходить каждый день. Сначала под предлогом проверить её рану, потом — просто так. Приносил цветы,

сладости, однажды — дорогой бальзам от головной боли, о котором она и мечтать не могла. Андрей окружил её заботой, от которой она отвыкла за годы одиночества. Но за этой заботой Ирина начала замечать другое. Когда она готовила ужин и что-то не получалось, его лицо на мгновение искажалось раздражением. Когда она краснела при разговоре с его друзьями, в его голосе звенела нетерпеливость. Он хотел видеть в ней не ту, какой она была, а ту, какой она должна была стать по его плану.

Он пригласил её в ресторан. Ирина долго стояла перед зеркалом, выбирая платье, и в итоге надела самое скромное — тёмно-синее, с закрытым воротом, которое сидело на ней бесформенным мешком. Андрей с трудом одобрил его, и в его взгляде мелькнуло разочарование, быстрое, как вспышка молнии.

— Тебе нужно одеваться ярче, — заметил он, когда они сидели за столиком у окна, за которым спешили прохожие. — Ты же молодая женщина, а выглядишь как тень, потерявшаяся в дневном свете.

Ирина смутилась, чувствуя себя действительно призрачной.

— Я привыкла не выделяться.

— А зря. Теперь у тебя есть я. — Его голос смягчился, стал почти нежным. — Я помогу тебе измениться. Сделаю из тебя настоящую женщину.

Она приняла эти слова за проявление заботы. В конце

концов, он желал ей добра. Так ей казалось.

Через неделю Андрей познакомил её со своими друзьями — такими же успешными и уверенными, как он сам. Ирина чувствовала себя лишней на их фоне, как простой фонарик среди прожекторов, но он держал её за руку и представлял с гордостью:

— Моя Ирина.

Эти два слова заставили её сердце трепетать, как крылья мотылька у пламени свечи. Она таяла от этого, забывая обо всём на свете.

Однажды они поехали знакомиться с её родителями. Мать Ирины, серая и молчаливая, лишь робко улыбалась, пряча глаза, полные тревоги. Отец, осмотрев Андрея с ног до головы, хмыкнул:

— Ну наконец-то хоть кто-то ею заинтересовался.

Ирина сжалась, как сухой лист под ногой, но Андрей лишь рассмеялся и обнял её за плечи.

— Вы не правы. Ирина — сокровище. Просто не все умеют это видеть.

Дома она расплакалась от счастья. Слёзы катились по щекам, как весенний дождь по стеклу. Андрей вытирал их большим пальцем и шептал, что скоро всё изменится, что он женится на ней и увезёт отсюда, в большой город, к другой жизни.

— Просто доверься мне, — говорил он, прижимая её к себе так крепко, что она чувствовала каждый удар его серд-

ца. — Я знаю, что для тебя лучше.

Ирина верила. Верила так, как не верила никому в жизни. Её доверие было безграничным, как океан, и таким же глубоким.

Первый раз он остался на ночь через две недели после знакомства. Они сидели на диване, смотрели фильм, и его рука лежала на её колене, тёплая и уверенная. Ирина чувствовала, как тепло разливается по телу, как сердце бьётся где-то в горле, готовое выпрыгнуть наружу. Когда он наклонился и поцеловал её, она не отстранилась. Его губы были мягкими, но требовательными, как весенний ветер, который не спрашивает разрешения, чтобы распуścić почки.

Он целовал её всё более страстно, и Ирина замирала от неизведанных ощущений, будто впервые ощутила вкус жизни. Всё шло к тому, чего она и боялась, и желала. Его руки расстегнули блузку, медленно сняли мешающую одежду. Андрей не прекращал поцелуев, даже усилил натиск. У Ирины уже кружилась голова, и всё её тело ломилось от желания, как после долгой болезни. Андрей уже разделся сам, мгновенно — девушка даже не заметила. Его руки повелевали, губы жгли, а язык стал острым жалом, несущим восхитительную боль.

За мгновение до самого важного в дверь громко забарабанили.

— Ирка! Открой! — раздался хриплый голос отца.

Ирина вздрогнула, вскочила, быстро накинула халат. Ан-

дрей сел, лицо его стало твёрдым, как камень.

— Кто это?

— Отец, — прошептала она и пошла открывать.

Отец ворвался в квартиру, раскрасневшийся, злой, как ураган.

— Мать совсем слегла! А я тут как проклятый! Почему трубку не берёшь? Езжай к нам, поможешь!

Ирина растерянно переводила взгляд с отца на Андрея. Он уже оделся и сидел за столом, лицо его было непроницаемым, как маска.

— Я... сейчас.

Андрей поднялся и поправил рубашку.

— Я отвезу.

Отец скривился.

— Не надо. Сама доедет.

Андрей не стал спорить, но, когда Ирина вышла в коридор, он взял её за руку и тихо сказал:

— Позвони, как доберёшься. И возвращайся быстрее. Я буду ждать.

Она кивнула, чувствуя себя виноватой за испорченный вечер, как ребёнок, разбивший любимую вазу.

Второй раз всё повторилось через несколько недель. Андрей снова остался у неё. Они ужинали, смеялись, и его руки снова оказались на её талии, обвиваясь вокруг, как лианы. На этот раз Ирина сама потянулась к нему, подставляя губы для поцелуя, как цветок тянется к солнцу. Они быстро пере-

местились к дивану, и одежда полетела во все стороны, как листья под порывом ветра. Ирина жаждала близости, как пустыня жаждет дождя. Андрей был уже взвинчен до предела. Они целовались самозабвенно, неистово, задыхаясь от наслаждения. Руки мужчины непрерывно гладили нежное девичье тело, то ласково, то почти грубо. Такие контрасты вызвали бурю чувств у скромной девушки, превращая её в огненный вихрь. Он был пылким и страстным, очень опытным. Андрей повалил девушку на диван и навис над ней. Его глаза загорелись торжеством, как угли в костре. Ещё доля секунды — и они сольются в единый жаркий клубок.

В ту же секунду из кухни раздался грохот, похожий на взрыв, и послышался шум водопада.

— Чёрт! — выругался Андрей, вскакивая.

Прорвало трубу. Вода заливала пол, стекала в коридор, как река, вышедшая из берегов. Ирина бросилась перекрывать вентиль, но без сантехников было не обойтись. Пока ждали мастера, Андрей сидел на диване, мрачно глядя в стену, будто видел сквозь неё что-то, недоступное её взгляду.

— Прости, — прошептала Ирина, присаживаясь рядом. — Я не знала, что так получится.

Он повернул голову, и в его взгляде мелькнуло что-то холодное, как лезвие ножа.

— Это не твоя вина. Но, может, тебе стоит переехать в более приличное жильё?

Ирина опустила глаза, чувствуя себя жалкой и ничтожной.

— У меня нет денег.

— Я помогу. — Он накрыл её ладонь своей. Прикосновение было тёплым, но в голосе звенела сталь. — Я же говорил: доверься мне.

Она кивнула, чувствуя, как внутри разрастаются благодарность и любовь, словно два переплетающихся ростка. Андрей заботился о ней. Он был готов решать её проблемы. Ради него она была готова на всё, даже на то, чтобы перестать быть собой.

После ухода сантехников Андрей не остался. Сказал, что устал и хочет выспаться. Ирина стояла в пустой квартире, прижимая к груди подушку, и мечтала о том дне, когда он назовёт её своей женой.

Она не замечала, как он менялся. Как его улыбка всё чаще становилась натянутой, как в его голосе проскальзывали нотки раздражения, когда она делала что-то не так.

— Ты слишком тихая, — сказал он однажды, когда она в очередной раз не смогла поддержать разговор с его друзьями. Его голос был ровным, без эмоций, как у продавца, оценивающего товар. — Мужчине нужна женщина, которая умеет себя подать. Ты должна учиться.

Ирина приняла это как руководство к действию. Она стала читать журналы о моде, следить за речью, но каждый раз, когда она пыталась стать другой, у неё не выходило. Андрей хмурился, вздыхал, но не уходил от неё. За это она была ему бесконечно благодарна.

Она не знала, что он лишь ждал своего часа. Что каждая её слеза, каждый её страх, каждая попытка стать другой — всё это было частью его плана. Плана, в котором она была не возлюбленной, а добычей. Добычей, которую нужно было сломать, чтобы получить то, что он хотел.

Глава 3. Двойное лицо

Прошло три недели. Ирина жила в странном состоянии между реальностью и кошмаром: Андрей был рядом, но его образ раскалывался на две половины, как треснувшее зеркало. Одна — нежная, заботливая, шепчущая ей на ухо слова, от которых по коже бежали мурашки. Другая — холодная, расчётливая, смотрящая на неё так, будто она не женщина, а экспонат в музее неудач.

Ирина старалась видеть только первую половину. Она убеждала себя, что у всех мужчин бывают перепады настроения, что он устаёт на работе, что его резкость — лишь проявление силы характера. Но внутри уже зарождалось смутное беспокойство, как первые признаки болезни, которую ещё можно было игнорировать.

Унижения начались исподволь, как яд, который капают в воду.

Сначала — кулинария. Она готовила ужин целых три часа, следуя рецепту из дорогого журнала, который купила специально для него. Аромат трав и специй наполнял квартиру, создавая иллюзию уюта. Андрей попробовал, помедлил, потом медленно отодвинул тарелку.

— Это... интересно, — произнёс он, и в его голосе прозвучала фальшивая деликатность. — Но, может, тебе стоит попробовать что-то попроще? Я не хочу, чтобы ты изнуряла

себя на кухне.

Ирина почувствовала, как щёки заливают жаром стыда.

— Прости, я думала, тебе понравится...

— Мне нравится всё, что ты делаешь, — перебил он, беря её за руку. Его пальцы были тёплыми, но прикосновение казалось механическим. — Просто не нужно так напрягаться. Ты и так прекрасна. Хотя... — он слегка помедлил, — может, тебе действительно стоит записаться на какие-нибудь курсы? Для удовольствия, конечно.

Она кивнула, чувствуя, как внутри что-то сжимается. На следующий день она записалась на кулинарные курсы.

Потом пришла очередь фигуры. Они гуляли в парке, и Андрей вдруг остановился, окинув её взглядом с ног до головы. Его глаза задержались на её талии, и Ирина почувствовала себя обнажённой.

— Ты выглядишь уставшей, — сказал он мягко, с заботой в голосе. — Может, тебе стоит немного... привести себя в порядок? Я просто переживаю за тебя.

— Я... кажется, немного набрала вес, — прошептала она, чувствуя себя виноватой без причины.

— Не вес, а форму, — поправил он, проводя пальцем по её талии. — Ты должна быть стройной и грациозной, как лань. А не... — он осёкся, но она уже поняла.

В тот вечер она не стала ужинать. И на следующий день тоже. Через неделю она похудела на три килограмма, и Андрей одобрительно кивнул:

— Видишь, какая ты красивая, когда заботаешься о себе? Я всегда знал, что в тебе есть потенциал.

Его похвала звучала как награда за хорошее поведение.

Хуже всего было унижение при посторонних. На вечеринке у его друзей кто-то спросил Ирину о её работе. Она начала рассказывать, запинаясь и краснея, чувствуя себя неуместной в этом мире успешных людей. Андрей положил руку ей на плечо и улыбнулся:

— Моя Ирина скромничает. Она работает бухгалтером на химическом заводе. Считает реагенты и контролирует производственные процессы. Очень ответственная работа, требующая точности и внимания к деталям.

Все уважительно закивали. Ирина с благодарностью посмотрела на него, но позже, когда они остались наедине, он наклонился к её уху:

— В следующий раз говори увереннее. Ты не какая-нибудь простая счетоводша с мыловарни. Ты — моя женщина и должна держаться соответственно.

По дороге домой она молчала. Андрей вёл машину и насвистывал.

— Что думаешь? — спросил он, не глядя на неё.

— Ничего, — прошептала она.

— Вот и правильно. Главное — не показывать слабость. Особенно при других. Ты же не хочешь, чтобы они подумали, что я выбрал слабую женщину?

Ирина покачала головой. Внутри всё оборвалось, но она

снова промолчала.

Кульминацией стала встреча с родителями. Андрей сам предложил заехать к ним — «проведать». Отец встретил их на пороге своим обычным ворчанием. Мать суетилась на кухне, бросая на Ирину тревожные взгляды. Андрей держался вежливо, но Ирина чувствовала напряжение в каждом его движении.

За столом отец, опрокинув рюмку, завёл свою обычную песню:

— Наша Ирка — ни рыба ни мясо. Всю жизнь как тень. Спасибо, Андрей, хоть ты её заметил. Надеюсь, сделаешь из неё человека.

Ирина замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица. Она молилась, чтобы Андрей промолчал или хотя бы сказал что-нибудь в её защиту. Но он лишь усмехнулся и произнёс:

— Вы, конечно, правы. Она пока как комок сырой глины — бесформенная и серая. Но я верю в неё. У неё есть качества, которые нужно просто правильно развить.

Отец расхохотался, приняв это за согласие. Мать опустила голову ещё ниже. А Ирина почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног.

Позже, в машине, она не смогла сдержать слёз.

— Зачем ты так сказал? — выдавила она сквозь рыдания.

Андрей резко съехал на обочину и повернулся к ней. Его лицо было холодным, но в глазах читалась не злость, а раздражение — как у человека, которому мешают выполнить

важную работу.

— А что я должен был сказать? — спросил он тихо, почти ласково. — Что твои родители правы? Посмотри на себя. Ты даже держаться нормально не умеешь. Вечно сутулишься, глаза в пол. Я устал делать вид, что меня это устраивает.

Ирина смотрела на него, не веря своим ушам.

— Но я стараюсь... — пролепетала она.

— Стараешься? — Он взял её за подбородок, но не больно, а с преувеличенной нежностью. — Ты не стараешься. Ты просто существуешь. Мне нужна жена, которая будет моей гордостью, а не обузой. Понимаешь?

Он отпустил её, и Ирина отшатнулась, ударившись затылком о стекло. Боль пронзила голову, и всё поплыло перед глазами.

— Я смогу измениться, — проговорила она, чувствуя, как по щекам текут слёзы.

— Я знаю, что сможешь. — Его голос смягчился, стал почти ласковым. — Просто поверь в себя. И поверь мне. Я ведь хочу для тебя самого лучшего.

Он отвёз её домой и уехал, пообещав позвонить утром. Ирина поднялась в квартиру, рухнула на диван и зарыдала в голос. Телефон молчал всю ночь.

Этой ночью началась мигрень — самая сильная за последние месяцы. Боль пульсировала в висках, тошнота подкатывала волнами. Ирина доползла до аптечки и высыпала на ладонь горсть таблеток: обезболивающие, снотворные — всё,

что попало под руку. Ей было всё равно. Лишь бы уснуть. Лишь бы не чувствовать эту боль — и в голове, и в сердце.

Она запила таблетки водой и легла на кровать, глядя в тёмный потолок. Слёзы текли беззвучно. Перед глазами стояло лицо Андрея — то нежное, то холодное, сливающееся в единую маску двуличия.

«Я устал делать вид, что меня это устраивает».

Эта фраза стучала в висках, смешиваясь с болью. Ирина закрыла глаза, чувствуя, как сознание уплывает.

Сначала — темнота. Потом — странные образы: высокие мрачные башни, серебристые лисы, волшебный свет. Она видела себя — но не такой, какой была в зеркале. Другой. Сильной. Уверенной. С копной длинных рыжих волос и большими зелёными глазами, полными решимости.

— Ровена... — прошептал кто-то в её сне, и голос был знакомым, но не принадлежал Андрею.

Ирина хотела ответить, но не могла. Тело не слушалось. Она падала в пустоту.

Глава 4. Дом Лисы

Ей снился замок, но не как обычное сновидение — как возвращение домой. Он материализовался из серебристой дымки, будто всегда существовал где-то на границе её сознания, ожидая момента, чтобы проявиться. Высокие каменные стены, оплетённые живым плющом, чьи листья переливались металлическим блеском даже в полумраке. Башни устремлялись в небо цвета спелой сливы, а в воздухе витал сложный аромат — хвоя, влажная земля и что-то древнее, неуловимое, как память о забытом заклинании. Всё обладало реалистичной чёткостью: она чувствовала холод камня под босыми ступнями, различала каждую жилку на листьях плюща, слышала не просто пение птиц, а их отдельные трели, сплетающиеся в сложную мелодию. Это был не сон — это было воспоминание, которое её разум когда-то запечатал, а теперь осторожно распечатывал.

Она шла по бесконечному коридору, и её шаги рождали эхо, которое вторило не только в пространстве, но и во времени. На стенах висели гобелены, сотканные из самой ткани реальности. Каждый герб представлял Дом: рыжая лиса, застывшая в момент прыжка, будто готовая вот-вот сорваться с полотна; белый песок с глазами, полными лунного света; чёрный волк с оскаленной пастью; извивающаяся змея; сова с пронзительным взглядом; мощный вепрь; медведь с

янтарными глазами; тигр с полосами, напоминающими молнии. Ирина чувствовала, как каждый образ отзывается в её крови, пробуждая древние инстинкты.

В конце коридора возвышалась дверь из чёрного дерева, инкрустированная серебром в форме переплетающихся лиан. Она прикоснулась к ней, и дерево отозвалось тёплой вибрацией, как живое существо. Дверь бесшумно распахнулась.

За ней открывался зал, залитый мягким, мерцающим светом сотен свечей в хрустальных подвесках. За длинным столом, вырезанным из цельного куска чёрного дерева, сидели фигуры в одеждах, сотканных из теней и звёздной пыли. Их лица оставались размытыми, но голоса звучали с кристальной ясностью:

— Ровена вернулась.

— Нет. Её память всё ещё спит.

— Но Ключ уже откликнулся на её присутствие.

Ирина хотела заговорить, спросить, кто они и что означают эти слова, но язык словно прирос к нёбу. Она двинулась вперёд, притягиваемая огромным зеркалом в дальнем конце зала. Его рама была вырезана из цельного куска чёрного дерева и украшена узорами, повторяющими гербы с гобеленов.

Когда она подошла ближе, её дыхание остановилось.

Из зеркала на неё смотрела женщина, которую она никогда не видела, но сразу узнала. Высокая, с достоинством королевы, с копной рыжих волос, ниспадающих волнами на плечи, как расплавленное золото. Зелёные глаза — ясные,

проницательные, полные внутренней силы. На ней было платье цвета глубокого леса, расшитое золотыми нитями, образующими сложные узоры. На груди покоился кулон — лиса, сжимающая в зубах маленький ключ, который мерцал внутренним светом.

Ирина подняла руку — отражение повторило движение с той же грацией и уверенностью. Она коснулась щеки — те же черты, но преображённые силой и знанием. Это была она, но та, какой она была создана быть.

— Ровена из Дома Лисы, — раздался голос за спиной, тихий, но проникающий в самую суть.

Она обернулась. Перед ней стоял мужчина в плаще цвета ночного неба. Его лицо скрывал капюшон, но Ирина почувствовала, как по коже пробежала дрожь узнавания. Этот голос, эта походка, эта манера держаться...

— Андрей? — произнесла она, и её собственный голос прозвучал необычно твёрдо, почти повелительно.

Мужчина медленно откинул капюшон. Да, это были черты Андрея, но глаза... Глаза горели ледяным, расчётливым огнём, в котором не было ни капли тепла.

— Ты всегда была слишком доверчивой, Ровена, — сказал он, и в его голосе звучала насмешка, отточенная веками. — Даже сейчас, когда правда стоит перед тобой во весь рост, ты всё ещё ищешь увортки.

Ирина покачала головой, чувствуя, как внутри зарождается страх, но и что-то другое — древняя сила, пробуждаю-

щаяся в ответ на угрозу.

— Я не понимаю...

— Понимаешь. Просто боишься вспомнить. — Он сделал шаг вперёд, и его движения стали более хищными, как у зверя, приближающегося к добыче. — Я не Андрей. Моё имя — Андор из Дома Песца. И я пришёл в твой мир с одной целью — добыть то, что принадлежит моему Дому.

Она отступила, чувствуя холод зеркала за спиной.

— Чего ты хочешь?

— Твой Дар, Ровена. Ты — Хранительница Ключа Реальности. Пока твоя душа остаётся чистой, пока твоё тело не осквернено, Ключ принадлежит тебе. А вместе с ним — сила, способная переписать судьбу миров. Мой Дом послал меня лишить тебя этой чистоты. Забрать невинность — и вместе с ней Дар.

Его слова вонзались в сознание, как ледяные иглы. Ирина почувствовала, как сжимается горло, но в груди уже разгорался другой огонь — гнев.

— Ты... всё это время... играл со мной?

— Я выполнял свою миссию. — Его улыбка была холодной, как зимний ветер. — И делал это хорошо. Ты влюбилась, поверила, готова была стать моей. Но каждый раз что-то мешало дойти до конца. — В его глазах мелькнуло раздражение. — Сначала я злился, считал это случайностью. Теперь понимаю: это был твой Дар. Он защищал тебя, даже когда ты сама этого не осознавала.

Ирина почувствовала, как внутри что-то меняется. Страх не исчез, но рядом с ним родилась решимость.

— Почему именно я?

— Потому что ты слабая. — Его голос стал мягче, почти ласковым, но в этой ласке таилась ядовитая суть. — Ты пряталась, боялась, сомневалась. Такая душа легко поддаётся влиянию. Легко теряет чистоту. Ты идеальная цель. Но именно у тебя есть первородный Дар Хранительницы и я его заберу.

Он протянул руку, между его пальцами закружилась тёмная энергия, похожая на живую тень.

— Больно? — прошептал он, когда тёмная нить коснулась её запястья, оставляя след, похожий на выжженную рану.

Ирина почувствовала жгучую боль, но не вскрикнула. Вместо этого она посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты ошибаешься, Андор. Я не та, кем ты меня считаешь.

Она рванула руку, и тёмная нить лопнула с тихим хлопком. Не дожидаясь его реакции, она побежала — через зал, через коридоры, чувствуя, как за спиной гремит его ярость, а тени пытаются схватить её за одежду.

Она бежала, пока не выскочила на вершину самой высокой башни. Внизу клубился туман, а впереди, на горизонте, мерцали огни других Домов — красные огни Вепря, синие огни Волка, золотые огни Тигра. Ирина подошла к краю, чувствуя, как ветер хлещет по лицу, и впервые за всё время закричала — не от страха, а от возмущения и гнева.

Крик разорвал небо, и в этот миг она проснулась.

Она лежала в своей квартире, на смятой постели. Солнечные лучи пробивались сквозь потрёпанные шторы, рисуя на полу полосы света, похожие на решётки. Голова была странной — пустой, как высушенная раковина, но в то же время тяжёлой от переполняющих мыслей. На тумбочке стоял пустой стакан. Рядом лежали рассыпанные таблетки.

Она вспомнила ночь — слёзы, отчаяние, горсть лекарств, проглоченных без мысли о последствиях. Но сон... Сон был не просто сном. Он был слишком реальным, слишком подробным. Она до сих пор чувствовала прохладу камня под ногами и запах хвои в воздухе.

Ирина поднялась и пошла в ванную. Включила холодную воду и долго смотрела на своё отражение в зеркале: бледное лицо, тёмные круги под глазами, спутанные рыжие волосы. Та же Ирина, которую все знали.

Но когда она подняла правую руку, её дыхание перехватило.

На запястье, точно там, где во сне коснулась тёмная нить, остался след — тонкая красная линия, похожая на ожог или царапину. Она прикоснулась к нему пальцами и поморщилась от боли.

Это было не совпадение. Это было доказательство того, что граница между мирами истончилась. У Ирины закружилась голова. Этого просто не могло быть!

Телефон завибрировал на кровати. Сообщение от Ан-

дрея: «Ты как? Вчера я был резок. Прости. Заеду вечером, поговорим. Люблю тебя».

Ирина смотрела на экран, и внутри неё разгоралась борьба. С одной стороны — привычная тяга к его вниманию, жажда любви, которая так долго оставалась неудовлетворённой. С другой — новый, холодный страх, смешанный с пробуждающейся интуицией.

Она вдруг поняла главное: её ценность для него не в её любви, а в её уязвимости. Он выбрал её не потому, что она особенная, а потому, что она слабая.

Она не ответила на сообщение. Впервые за всё время она не знала, что написать.

Подойдя к окну, она осторожно раздвинула штору. Во дворе, на лавочке напротив её подъезда, сидел человек в тёмной куртке. Он не читал газету, не смотрел в телефон — он смотрел прямо на её окно, не отводя взгляда. Ирина отшатнулась и задёрнула штору, чувствуя, как по спине бежит холодок. Сон или явь? Кто такой Андрей на самом деле? Зачем ему нужны отношения с ней? Ответы приходили медленно, как утренний туман, но один факт был неоспорим: её прежняя жизнь треснула, как старое стекло, и сквозь эту трещину уже просачивалась другая реальность — древняя, опасная и неотвратимая.

Глава 5. Тьма сгущается

Ирина не спала всю ночь. Сидела, прижав колени к груди, как будто пытаясь защитить себя от мира, который внезапно стал чужим и опасным. Каждый шорох за окном заставлял её вздрагивать, каждая тень казалась живой. Сон о Доме Лисы не отпускал: перед глазами стояли гобелены с гербами, голос Андора звучал в ушах, его ледяная улыбка преследовала даже в полумраке комнаты. А на запястье пульсировала боль — красный след, словно клеймо, напоминающее, что существует другой, загадочный и неуловимый мир. Она отгоняла от себя эти мысли, боялась, что сходит с ума. Она просто оцарапала руку, а её фантазия домysлила остальное.

Утром она не пошла на работу. Отключила телефон, заперла дверь на все замки и заварила ромашковый чай, надеясь, что горьковатый вкус трав успокоит нервы. Но внутри всё трепетало, как лист на ветру, не находя покоя.

В полдень раздался звонок в дверь. Ирина замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица. Звонок повторился — длинный, настойчивый, без права на отказ. Она подошла на цыпочках и посмотрела в глазок.

Андрей.

В её груди сжалось что-то холодное и тяжёлое.

— Ира, открой, — раздался его голос, приглушённый дверью. — Я знаю, что ты дома.

Она не шевелилась, задержав дыхание.

— Я беспокоюсь за тебя. Открой, поговорим.

Молчание повисло в воздухе, плотное и тягучее.

— Ира, не глупи. Я просто хочу убедиться, что с тобой всё в порядке.

Она видела, как он достал телефон и начал кому-то писать. Через минуту её собственный телефон, лежавший на тумбочке, завибрировал. Сообщение было коротким и точным, как удар ножа: «Я вижу, что ты дома. Не заставляй меня применять другие методы. Я выбью дверь».

Ирина почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Рука сама потянулась к замку.

Андрей вошёл, окинул её внимательным взглядом и хлопнул дверь за собой. Его движения были уверенными, но в них чувствовалась скрытая напряжённость.

— Почему ты не отвечала? — спросил он, и в его голосе не было прежней мягкости, только холод и злость.

— Я... не... мне плохо, — прошептала она, избегая прямого взгляда.

— Плохо? — Он медленно обошёл квартиру, как хищник, осматривающий территорию. — По глазам вижу, что ты не спала. Что происходит?

Ирина покачала головой, но он уже не ждал ответа. Андрей прошёл на кухню, открыл холодильник, поморщился.

— Пусто. Ты вообще ешь?

— Я не голодна.

— Конечно. — Он сел за стол, закинув ногу на ногу, и жестом пригласил её присоединиться. — Сядь. Нам надо серьёзно поговорить.

Она села, чувствуя, как пальцы немеют от страха.

Андрей заговорил о её «отчуждённости». О том, как он много для неё делает, как старается понять её мир, а она отдаляется. Он говорил спокойно, логично, и каждое слово проникало в сознание, как яд, растворяющий уверенность. Ирина слушала, опустив глаза, и чувствовала, как её собственная правота тает под напором его убедительной речи.

Может, он действительно прав? Может, она всё портит?

— Я устал от твоего молчания, — сказал он, и в его голосе прозвучала усталость, которая звучала убедительнее любой злобы. — Ты замыкаешься в себе, не даёшь мне возможности помочь тебе. Мне нужна женщина, с которой можно строить жизнь, а не тень, которая боится света.

Она кивнула и еле прошептала:

— Прости.

— Прости? — Он наклонился ближе, и в его глазах мелькнуло раздражение. — Ты всё время извиняешься, но ничего не объясняешь! Посмотри на себя! Ты даже не пытаешься измениться. Ты вообще хочешь быть со мной?

Ирина закрыла глаза, чувствуя, как слёзы начинают щипать глаза.

— Открой глаза и смотри на меня! — приказал он, и в его голосе прозвучала власть.

Она подчинилась. Андрей смотрел на неё с высоты своего превосходства, и в его лице не было ничего от того человека, который когда-то принёс ей круассаны и белые розы. Это был другой человек — холодный, расчётливый, требовательный.

— Я вкладываю в тебя своё время, свои силы, свою душу. А ты даже не можешь быть открытой со мной. — Он шагнул ближе. — Ты вообще способна доверять?

— Я стараюсь, — обречённо выдохнула она.

— Ты не стараешься. Ты просто существуешь в своей скорлупе. — Он взял её за подбородок, но не больно, а с преувеличенной нежностью. — Знаешь, что мне говорят друзья? Что я теряю время на женщину, которая не хочет меняться. А я всё ещё с тобой. Потому что верю в тебя.

Он внезапно так резко задрал её подбородок, что она ударилась затылком о стену. Боль прострелила голову, и перед глазами всё поплыло.

— Мне нужно, чтобы ты доказала, что доверяешь мне, — сказал он тихо, почти ласково. — Докажи прямо сейчас.

Ирина не сразу поняла, о чём он. Но его рука уже легла на её плечо, сжала его. Его лицо приблизилось к ней.

— Я хочу тебя. Сейчас. Здесь. Покажи, какой ты можешь быть для меня.

Она замерла, чувствуя, как по телу разливается ледяной страх. А он резко сорвал с неё халат, обнажив плечи. Его рука сжала её шею, не сильно, но достаточно, чтобы она по-

чувствовала власть.

— Андрей, я не... я не готова, — прошептала она, инстинктивно прикрываясь руками.

— Не готова? — В его голосе прозвучала насмешка. — Ты ждала этого. Ты мечтала об этом. А теперь прячешься? Ты вообще понимаешь, чего я хочу от тебя?

Ирина попыталась отстраниться, но он держал крепко. Внутри всё похолодело, волны ужаса накатывали на сознание. По его глазам она видела не просто желание, а решимость сломать её окончательно.

— Пожалуйста, не надо.

— «Пожалуйста»? — Его голос стал низким, опасным. — Ты должна радоваться, что я всё ещё хочу тебя. Другая бы на твоём месте...

Он не договорил. Ирина вывернулась и побежала в ванную, захлопнула дверь, заперлась. Андрей забарабанил кулаками по дереву.

— Открой! Немедленно!

Казалось, ещё немного — и дверь рассыплется в щепки. Но в этот момент раздался звонок на его мобильный. Он ответил, и Ирина услышала обрывки разговора — короткие, резкие команды.

Она сползла по стене, зажав рот ладонью, чтобы не закричать. Слезы текли по щекам бесшумно, сердце билось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

— Ты ненормальная! — крикнул он сквозь дверь. — Я

ухожу. Но завтра мы продолжим. И не смей снова прятаться. Ты моя, и не думай, что сможешь отказаться. Готовься стать покладистой и удовлетворить меня.

Хлопнула входная дверь. Ирина осталась одна в тишине, нарушаемой лишь её прерывистым дыханием.

Она просидела в ванной до темноты. Потом вышла, выпила воды, взглянула на себя в зеркало. Отражение было чужим: бледное лицо, тёмные круги под глазами, красные пятна на шее от его хватки. Она выглядела жалко.

«Я не могу так больше», — прошептала она.

На кухне в аптечке лежали таблетки. Ирина смотрела на них, и в голове была странная пустота, как после бури. Она взяла упаковку, повертела в руках.

Почему она так никчёмна? Почему не может быть нормальной? Может, если её не станет, всем будет легче? Андрей найдёт достойную женщину, отец перестанет разочаровываться, мать... мать даже не заметит.

Она высыпала таблетки на ладонь. Много. Очень много. Запила водой. Легла на диван, уставившись в потолок.

Боль в голове отступила, уступая место странной пустоте. Тишина обняла её, как мать в далёком детстве.

Потом — темнота.

Она не слышала, как трезвонил мобильный, как ломали дверь. Не чувствовала, как её подняли, несли, как кричали врачи, как везли по коридору в ярком свете.

Только где-то на краю сознания билась мысль: «Какая

приятная тишина».

А потом тьма начала меняться. Она не лопнула, как мыльный пузырь, а раскрылась, как цветок на рассвете, выпуская наружу свет, который всегда был внутри.

Ирина стояла на высокой башне. Ветер развеивал её длинные рыжие волосы, как знамёна победы. Внизу расстилался город из белого камня, утопающий в изумрудной зелени. Небо было цвета спелой сливы, и в нём парили серебристые птицы, оставляя за собой следы света.

— Ровена! — раздался голос, полный облегчения и тревоги.

Она обернулась. Перед ней стоял юноша в зелёной мантии с гербом Дома Лисы. Его глаза были полны радости и печали одновременно.

— Ты вернулась. Мы уже думали, что потеряли тебя навсегда.

Ирина смотрела на него и чувствовала, как воспоминания возвращаются, как ключ поворачивается в замке, открывая дверь в прошлое. Этот замок, этот мир, её имя — всё было частью неё, просто забытое на время.

Она подняла руку и увидела, что запястье чисто — ни следа ожога. Вместо раны там пульсировала тёплая энергия, как живой источник силы.

— Я вернулась, — сказала она, и её голос прозвучал твёрдо, без дрожи, но с оттенком новой мудрости. — И теперь я знаю, кто я.

Она не просто вернулась. Она возродилась.

Глава 6. Возвращение к себе

Ровена стояла на вершине башни, и ветер трепал её волосы — длинные, густые, цвета пламени. Она смотрела на раскинувшийся внизу город и не могла надышаться. Воздух здесь был другим: чистым, прохладным, пахнувшим травами и далёким дымом. В нём не было ни пыли, ни запаха старых стен, ни липкой усталости, которая годами копилась в её теле.

Она подняла руки и посмотрела на ладони. Пальцы больше не дрожали. Кожа была бледной, но не серой. Она сжала кулак и почувствовала, как под кожей запульсировала сила — тёплая, знакомая, как забытая мелодия.

Где-то на периферии памяти ещё жила Ирина. Ровена помнила её: сторбленные плечи, тонкий хвостик, вечно опущенные глаза. Помнила, как та вздрагивала от резких слов, как извинялась за каждый шаг, как боялась собственной тени. В груди на мгновение кольнуло — не жалость, а осознание: всё это было с ней, но больше не принадлежало ей. Ирина осталась там, в сером мире, среди пыли и чужих упрёков. А здесь, на вершине, стояла другая женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.